

Андрей Дементьев. Это имя сразу вызывает целый ряд ассоциаций. Конечно же, ему принадлежат стихи лучших песен Евгения Мартынова. Главный редактор перестроечной «Юности». Представитель РТР в Израиле. Последние годы — автор программы «Выражи времени» на «Радио России», где его гостями были известные и любимые артисты, писатели, певцы, политики. Автор более 30 книг.

Нам долго не удавалось встретиться: то у Андрея Дмитриевича эфир, то очередная поездка, то подготовка к концерту. Поэт в свои 75 лет — абсолютно востребованный человек.

Хорошая наследственность

— Андрей Дмитриевич, я тут посчитала, у вас практически каждые полтора года, а то и чаще выходит книга. Ваше первое стихотворение опубликовано в 1948-м, последняя на сегодня книга издана в 2003-м. Нетрудно подсчитать — 55 лет творческой активности. Откуда вы черпаете силы?

— Все предопределено: у меня хорошие предки, хорошие гены. Все жили долго. Бабушка, мама, отец дожили до 90. Дед погиб в тюрьме в 64 года: работал на лесозаготовках, его прихлопнуло деревом. Он его поздно заметил. Упал в снег, чтобы смягчить удар, а попал грудью на пень. 20 дней не пил, не ел ничего, а сердце работало. Я его помню, у него были здоровенные кулаки. Мужик был очень добрый. Это с одной стороны. С другой — я никогда особо не пил. И с детства решил не курить и выполнил это. Очень серьезно занимался спортом, всеми видами — лыжи, коньки, плавание, гребля. И позже — туризм.

— Это физическое здоровье, а стихи требуют еще чего-то из другой сферы...

— Древние правильно говорили: «В здоровом теле — здоровый дух». Мне просто повезло с природой. Я никогда не считал и не считаю себя старым. Я этого не ощущаю. Как проснулся утром в 20 лет от радости: солнце светит, мне 20 лет, — так и сейчас просыпаюсь от радости, что живу.

Правда, это не мешает мне чувствовать всю печаль жизни, видеть ее обратные стороны. Очень много вокруг зла. Я всегда чувствую и свою вину, когда вижу нищих, людей, которые живут значительно хуже меня. Я понимаю, что не виноват. Но объективно в какой-то степени мы все виноваты. Оттого, что не могу исправить многое в жизни, серость, несправедливость, меня заполняет грусть.

— Но по вашему творчеству, по вашим вопросам, которые вы задаете своим гостям в радиопередаче «Выражи времени», нет ощущения пессимизма. Более того, помоему, вам удалось избежать мизантропии.

— Я на радио получаю много писем и знаю, что людям нужно доброе слово, нужен свет. Вот и стараюсь через своих гостей, через себя как-то немножко помочь им. Слово все может: ранить, убить и

Слова

Илья Глазунов, народный художник СССР:

— Для меня Андрей Дементьев — не только близкий друг и родной человек, о котором трудно говорить, потому что, мне кажется, я знаю его всю жизнь. А говорить о Дементьеве-поэте — это значит говорить о поэзии как о документе нашего тревожного времени XX и XXI веков. Я всегда поражался, что в творчестве Андрея находят поэтическое отражение важнейшие веяния наших сложных и противоречивых времен. Он, как и все поэты, менялся, но всегда оставался самим собой. Он энергичен, красив, элегантен, открыт — как и его поэзия. Мне хотелось бы пожелать Андрею такого же неуемного творческого напора, чтобы миллионы читателей продолжали радоваться его поэзии. Хочется напомнить, чтобы те, кому он открыл дорогу в литературу через журнал «Юность» и кого поддерживал на крутых виражах истории, не забывали добро.

спасти. У меня иногда вся душа в слезах, но это никого не касается. Потому что у всех свои беды, свои проблемы. Я должен им протянуть руку. Мне всегда казалось, что поэзия — как протянутая рука. И на нее можно опереться. Так жил, живу, с тем и умру. Так меня воспитывали.

— Мы многое получаем в жизни от родителей на уровне взглядов, ощущений без лишних слов. Кто ваши родители?

— Мой отец был самым моим высоким авторитетом, настоящим другом. Он из бедной крестьянской семьи. Уехал в город, был гримером в театре. Потом парикмахером. Рано женился, быстро появился я. И... он уехал учиться в Тимирязевскую академию. Окончил ее с отличием. Ему предлагали остаться в аспирантуре, но он не мог дольше быть с семьей в разлуке. Вернулся в Тверь. Написал книгу по агрономии, публиковал в центральных газетах статьи. Уже практически была готова вторая книга, но пропала: арест, 58-я статья. Были арестованы и его братья. Двое погибли. Отец вернулся. Я никогда не верил в его виновность.

Он никогда не приспособился в этой жизни. И с самого раннего детства приучал меня к главным в жизни вещам: быть честным, добрым и уметь ждать. Каждый вечер, приходя с работы, он читал мне классику. Он говорил: «Ты знаешь, я деревенский. У нас в деревне все люди здороваются друг с другом». Я ему: «Ну, пап, как в городе здороваться со всеми?» Но он говорил об уважении к людям. Он незаметно вкрапывал в меня светлые частицы нравственности. И поэтому, когда я поступал в медицинскую академию, то написал в анкете, что у меня все родственники сидели в тюрьме. Мне вернули документы. Потом поступал в Институт международных отношений и скрывал, что у меня все арестованы. Сдал экзамены, перед зачислением меня пригласили в мандатную комиссию. И вы представляете, меня резануло как молнией: что же я делаю — если скрывал, значит, верю, что отец преступник. И я забрал документы. Поступил в Калининский педагогический институт, где ничего этого не надо было. Потом, когда я дождался его возвращения, был счастлив, что его не предал. Я ему верил.

— Когда он вернулся?

— В 1945 году. А реабилитирован в 1958-м. Все эти годы он жил, скрываясь: ему нельзя было жить в Твери. Когда к нам приходила милиция, он прятался в подвал. Я понимал несправедливость всего происходящего, было дико обидно. В Твери у нас был домик с мезонином. Там все жили вместе: мама, дед с бабушкой. Дед у меня был верующим человеком. Он пел в церкви. И я рос в атмосфере музыки, народных песен. В атмосфере дружбы, добра, понимания. А также у взрослых была едкая система воспитания: если я залез в сад к соседу, тот мог мне надрать ухо, и батя, вместе с тем чтобы меня пожалеть, мог надрать второе. И это правильно.

Покаяние

— Есть такое выражение: «Умный учится на чужих ошибках, дурак — на своих». Но все равно каждый обязан свои шипки. Обязательно, без этого нельзя. Есть ли у вас такие ошибки, о которых вы хоть и сожалеете, но признаете их необходимость?

— Вы знаете, чаще всего человек ведь только потом осознает, совершил он ошибку или нет. Есть вещи, за которые мне бывало стыдно. Я этого не скрывал. И в поэзии об этом говорю. Все было. Человек все-таки слабое существо. Каждый по слабости может совершить не лучший поступок. Но я в своей жизни

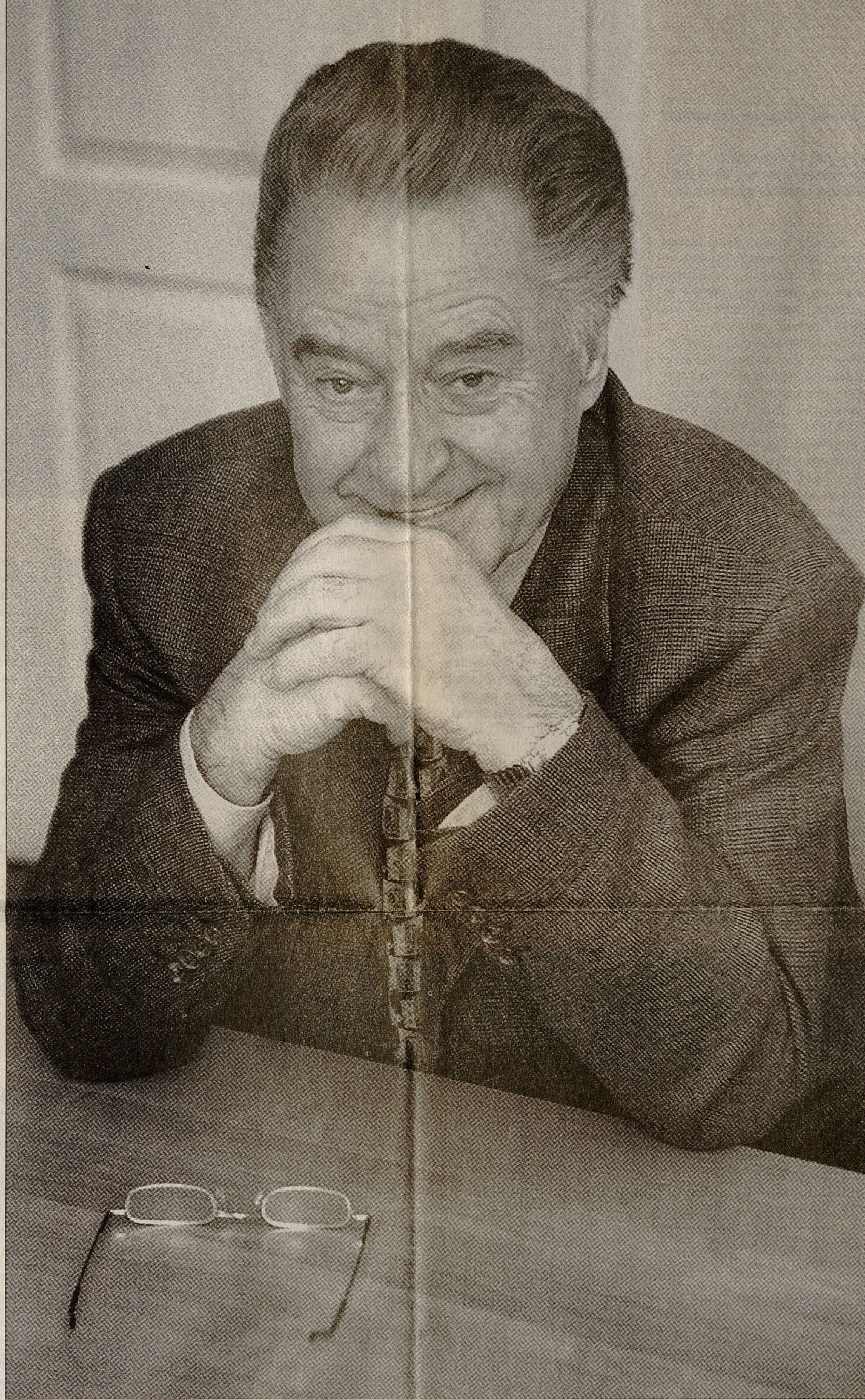

Фото Федора Евгеньевича

ни не подписал ни одного письма против писателей, никогда не голосовал против кого-то.

— Как вам это удалось?

— Удалось. Я долгое время прожил в провинции, где это все проходило стороной. Все-таки проблемная жизнь с конфликтами, с трагедиями была, конечно, в Москве. Я окончил Литературный институт, вернулся в Тверь (Калинин). У нас там все было проще. Провинция, она чище. В 1967 году переехал в Москву, мне уже было далеко за 30. Но тем не менее жизнь ставила вопросы, которые надо было решать. И Господь, родители мои, природа меня обезопасили. Я независимый человек. В нашем мире это очень важно. Кроме того, всегда считал, что за глаза можно говорить только хорошее. А плохое — только в глаза. И старался так жить. Не хочу сказать, что я этаким ангел.

Нет, я совершал ошибки. Например, в студенческие годы был профессор Яков Михайлович Металлов, он преподавал западную литературу. Я был у него любимым студентом. И вдруг на партийном собрании, когда меня принимали в партию, его исключили из партии. Выходили люди на трибуну, кото-

рым я не мог не верить, и фронтовики в том числе. Они его обвиняли, я сейчас не помню всех подробностей. Я сидел, открыв рот, — 19-летний мальчишка. А потом вышел он и стал рассказывать, как это было на самом деле, и я не мог не верить и ему. Представляете, как раздиралась юная, неокрепшая душа. Да к тому же еще и запущенная репрессивной машиной сталинских времен. И я, не разобравшись в ситуации, больше поверив тем, кто обвинял, проголосовал за его исключение. Помню, он сидел, опустив голову. Когда началось голосование, он чуть повернулся только в мою сторону. И я позже понял, что он подумал: «У тебя тоже сломали». Я всю жизнь нес этот крест. Написал стихи. Жизнь наша очищается через стыд, признание своей вины, покаяние.

А сейчас, когда совершается много гнусного в нашей жизни, это воспринимается и подается как благо, как святое дело. Меня это очень огорчает. Понимаете, всегда были противоречия между отцами и детьми, это нормально. Молодые приходят с другими интересами, другими привычками. Я их понимаю. Я не все могу принять, одобрить, но я никогда не бу-

ду подлаживаться. Я не боюсь потерять молодежную аудиторию. Хотите — примайте таким, какой я есть, не хотите — не принимайте. Самое главное в этой жизни, раздраемой противоречиями, в протестированной нашей жизни — в любых ситуациях оставаться собой. Это самое трудное.

Широты и меридианы

— Вы были представителем РТР в Израиле около пяти лет, с 1997 по 2001 год. Довольно большой срок, да и много разного произошло в России за это время. Можно сказать, что вы уезжали из одной страны, а вернулись в другую. Она действительно стала другой?

— Другой, конечно.

— В чем это для вас проявилось?

— Другой потому, что слишком резким стал контраст между слоями населения. Вот это меня больше всего поразило. У меня есть строчки, что «плебеев превращают в господ». Как Мольер тонко увидел и проанализировал это в «Мещанине во дворянстве». Люди, которые входят в «высшее общество», как правило, не имеют права так называться. Для этого надо иметь высокую духовную организацию.

Я с улыбкой наблюдаю, как наши новые русские, олигархи нанимают специалистов, чтобы им составляли библиотечки. Мне не надо никого напоминать. Я сам свою библиотеку составил, сам собирал, я знал, что мне надо. А для них это дизайн. Читать они не будут. Хорошо, если их дети прочтут. Хорошо, чтобы они внушили своим детям, что без образования невозможно. Они посылают их учиться в Англию, Голландию, Америку. Дай Бог, чтобы это все пошло на пользу не только им, а и нам. Нашему государству.

— А что поразило в Израиле?

Слова

Андрей Вознесенский, поэт:

— Андрей Дементьев — очень сильный поэт. Он из тех поэтов, у которых нет двойного счета, у которого нет «ваших» и «наших». Он говорит что-то, и это точно, он в этом убежден. Мы дружим с ним очень долго. Правда, сейчас мы меньше видимся. Но дружба не ржавеет. Она имеет такое свойство — не ржавеет, если это настоящая дружба, как у нас. На посту главного редактора журнала «Юность» Андрей был очень смелым человеком. Например, он напечатал совершенно «непристойную» по тем временам мою поэму «Ров». Постоянно печатал мои стихи. Так что моя муза обязана ему очень многим. Вообще я рад, что есть такой сильный человек. Убежденный, страстный и красивый. Это замечательная редкость для поэтов даже. У Андрея все есть — слава, стихи, муза есть... И это прекрасно. В том же духе надо и продолжать. И я благодарю его за нашу дружбу.

— В Израиле меня поразило мужество людей, в том числе и наших бывших соотечественников. Они сплочены опасностью, они полны решимости защищать свою землю. Люди поддерживают друг друга. И не только во время беды. У меня есть строчки: «Друг познается в удаче больше порой, чем в беде». Поражает отсутствие зависти среди интеллигенции, с которой я общаюсь. Я не хочу сказать, что хорошо знаю Израиль, но у меня сложилось свое впечатление. Это — Святая земля. Мне никогда не писалось так, как там.

— Вы много ездите и по России. Зачастую в Москве плохо знают, как живут в стране. Насколько она изменилась?

— Да, мы в Москве фактически ничего не знаем. Многие политические деятели, которых судьба вынесла на высоты общественной, политической жизни, оторваны от всего. Наобещают, наговорят, потом все забывают. А это две совершенно разные жизни. Две половины общества, только не равные половины. Огромная часть общества живет дико плохо — и материально, и душевно, потому что то, что происходит в России, интеллигенцию нашу приводит в отчаяние. Телевидение совершенно оборзело. Эти бесконечные убийства, секс, пошлость, банальность, плохие голоса, плохие песни. Не хочу говорить, что все так. Но в принципе на окрестного молодого человека, на неокрепшую душу это действует так, что смещаются акценты. И люди уже воспринимают ненормальное нормальным.

Нам пытаются внушить с экрана телевизора, что ведущие должны быть все похожи друг на друга, что они могут быть уродами, развязными, банальными, глупыми. Кто-то из корреспондентов вдруг заявляет на всю страну: «Как жалко, что у нас в стране нет музея Тургенева». А у нас два музея Тургенева — в Спасском-Лутовинове и в Орле. Порой молодые люди ничего не знают, но выходят с ученым видом златокоп и начинают вещать. А для этого надо быть образованным человеком. К сожалению, недостаток образования сейчас присущ очень многим. Не всем, но очень многим.

— Но в провинции, наверное, вы встретились не только с этим?

— Я только что вернулся из Бурятии, и я потрясен. Мне помог туда полететь Иосиф Кобзон: я — его доверенное лицо в предвыборной кампании, но мы и так просто дружим. Он мои вечера ведет уже 20 лет. Любая его просьба для меня — закон. Так же, как для него любая моя. И когда он меня попросил, я, конечно, сразу туда рванул. В этой глубинке (мы проехали 3,5 часа от аэропорта в одно селение, которое в 7 км от границы с Маньчжурией) такие интересные люди! Все говорят по-русски, на хорошем литературном языке. Мыслят мудро. Это такая Россия! Да, она не имеет иногда материальных возможностей получить все, что должна получить. Но у них есть другая возможность — возможность своего бесконечного интереса к истории, литературе, культуре, духовной жизни своей страны. Когда с такими людьми встречаешься, у меня перехватывает горло оттого, что они есть, вот так, несмотря и вопреки этой чертовой жизни, которую нам навязали со своими рыночными отношениями.

О богинях и депутатах

— Каждый раз вы завершаете свою передачу «Выражи времени» чтением стихотворения «Никогда ни о чем не жалейте». Знаю, что оно находит отклик во многих душах, например в моей. Что натолкнуло вас на эту тему? Какое событие?

— Даже не событие — прожитая жизнь. Эти стихи я написал лет 30 назад, когда был в Германии. Мы ездил по всей стране, было много встреч, диспутов, разговоров о жизни. И как-то однажды привезли нас в красивое место, была осень, старый замок, парк, все в золотом цвете. И вдруг я поймал себя на том, что задумываюсь о прошлых событиях и все время в сослагательном наклонении. Вот это «если бы» и натолкнуло на стихи. Сколько произошло всего, что невозможно уже исправить, но мы себя мучаем. Думаю, что терзает себя, заниматься самодеятельно очень плохо. Плохо для тебя лично, плохо для твоего оптимизма, для отношения к жизни и плохо вообще, потому что ты уже ничего не можешь исправить. Поэтому строчка, которой начинаются эти стихи, «никогда ни о чем не жалейте» имеет в конце слово «вдогонку». Все время оглядываться на прошлое — все равно как идти спиной вперед. Я не думал, что эти стихи будут столь популярны. Когда выступаю и начинаю читать их, весь зал за мной повторяет их хором. Я — счастливый поэт, потому что не просто одну строчку мою запомнили, а запомнили стихи. Это дорогого стоит. И книги выходят. В течение трех лет вышло 5 книг. Одна 8 изданий выдержала, другая — 5. Общий тираж за сто тысяч экземпляров.

— Наше интервью будет опубликовано после выборов. За кого вы проголосовали?

— Я Кобзона поддерживаю, потому что он много добра делает людям. То, что он говорит, он выполняет. И я думаю: вот таких бы побольше. И еще — наверное, не надо избирать парламентариев 2-3 раза. Потому что если ты за четыре года ничего не сделал, ты и дальше ничего не сделаешь. Только забудешь еще больше и оторвешься. Мне один депутат прошлого созыва говорил: «Я могу заработать на лоббировании такого-то проекта до 300 тыс. долларов за раз». Как можно простому человеку, который получает 1000–1500 рублей (!), разговаривать с этим «депутатом», как им можно понять друг друга?.. Я за то, что не надо отдавать в частные карманы то, что принадлежит народу. Может быть, банальные вещи говорю, но природная рента должна принадлежать народу, государству.

Мы шагнули из советской системы, в которой много было плохого, но и много хорошего, в совершенно другой мир. Шагнули очень резко. А вот резких движений делать не надо. Даже медицина говорит, что это опасно для здоровья.

— У вас большая жизнь. Вы знаете радость любви, счастье отцовства, у вас трое внуков. И в вашей жизни было много грустного и трагического. Тем не менее вы не потеряли веры в жизнь.

— Я считаю, что все предопределено. Все идет от Бога, природы, каких-то высших сил. И если уж так суждено, значит, суждено. Надо нести свой крест. Надо быть сильным, чтобы перенести все, что происходит в жизни. Другое дело, что физические ты можешь не выдержать, может случиться инфаркт и тому подобное. Но человек должен все время помнить, что он не один. Вот это самое главное. Со мной мои близкие, со мной мои читатели, мои книги. Я не просто чисто религиозно верующий. Я верующий в жизнь. Все будет хорошо. Не для того мы приходим на эту планету, в эту жизнь, чтобы все было плохо. Есть и будет много хорошего.

— Ваш концерт, который состоится в ЦКЗ «Россия» 17 декабря, и книга называемая «Нет женщины любимых». Значит, все женщины любимы?

— Там следующая строчка все объясняет: «Нет женщин любимых, пока мужчины есть». И еще одна: «Нет женщин любимых, не встреченные есть». Я боготворю женщин. Мама, жена, дочери... А женщины, которых я любил, до сих пор для меня богини.